

Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

ГЛОБАЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ СПАСЕНИЯ

(Продолжение, [начало в № 29 от 21.08.2019](#))

Спецсводка № 4 экономического отделения окротдела ОГПУ о ходе летней путины 1932 года полпреду в Хабаровск и в окружной комитет ВКП(б), подписанная Николаем Сергеевичем Киселевым – преемником Г.Р. Коваленко на посту главного регионального чекиста и пограничника, откровенна, а потому безотраднa.

Документ начинается с общего вывода: «Выполнение контрольных цифр плана вылова рыбы ни по АКО, ни по системе Интегралсоюза на 20.06. не имеет удовлетворительных показаний, давая ничтожное выполнение как общегодового, так и календарного плана...»

Далее авторы сводки переходят к частностям.

Для нас наиболее интересным и показательным является раздел «Срыв снабжения Командорских островов»: «При отправлении путино-промысловых грузов АКО на фрахтованном пароходе «Гензан-Мару» рыбное управление АКО требовало и просило управление снабжения АКО учесть, что первая разгрузка «Гензан-Мару» пройдет на островах Беринга и Медном, а затем на Карагинских, поэтому груз для Карагинских островов должен быть погружен вниз... Однако управление снабжения в лице Капелиовича П.А. учло это совершенно наоборот, поместив груз Командорских островов вниз...

Прибывший на Командоры «Гензан-Мару» выгрузиться там не смог и, сдав незначительную часть груза, вынужден был пойти для разгрузки на Карагинские острова, по пути к которым «Гензан-Мару» погиб со всем грузом...»

Командорские острова из-за несогласованности действий двух управлений АКО в разгар летней путины остались без промыслового инвентаря и продовольствия. По той же причине из-за небрежно составленного расписания захода судов на рыбзаводы и базы после каждого промыслового сезона на Камчатке оставались невывезенными сотни тонн продукции, в которой так нуждалась голодающая страна.

Завершает спецсводку № 4 красноречивая фраза: «По всем выявленным за отчетный период ненормальностям и затруднениям своевременно сигнализировалось в ОК ВКП(б), дирекцию АКО, в особо важных случаях телеграфно доносилось в ЭКО ПП...»

Несогласованные, непродуманные действия дирекции АКО и его подразделений имели особенно серьезные последствия при перевозке, расселении и использовании сезонных

рабочих и граждан, переселяемых с материка на Камчатку. Этой деятельностью занимался специально созданный в АКО колониальный отдел. Его агенты действовали по всей стране, обещая гражданам, готовым отправиться в дальний путь, жилье, высокие заработки, прекрасные условия на пароходах, на которых они из Владивостока отправятся на Камчатку. Если исходить из тех сумм, которые страна выделяла для заселения полуострова, остро нуждавшегося в рабочей силе, все должно было происходить так, как обещали вербовщики. Реальное положение дел не имело ничего общего с декларациями.

Колонистов после долгого ожидания во вшивых бараках во Владивостоке загружали на пароходы, не приспособленные для перевозки пассажиров. В темные грузовые трюмы набивали до тысячи человек. В пути их кормили отвратительно. На горячую пищу колонисты могли рассчитывать в лучшем случае один раз в сутки, хотя средства отпускались на двухразовое питание. Чаще на пароходах ограничивались раздачей хлеба по крайне ограниченным нормам. Суда с переселенцами и сезонными рабочими кишмя кишели не только людьми, но и вшами, клопами, тараканами и крысами, с которыми на Камчатку завозили инфекционные болезни, и прежде всего бич того времени – сыпной и брюшной тиф.

С нетерпением ждали колонисты прибытия на Камчатку в надежде, что там суждено сбыться их надеждам, навешанным обещаниями вербовщиков. О том, как встречал переселенцев колониальный отдел АКО, беспристрастно свидетельствуют документы Камчатского окружного отдела ОГПУ.

4 июля 1931 года Г.Р. Коваленко обращается в директорат АКО: «Для приема прибывающих в Большерецкий район 150 семейств никакой подготовки не ведется...

Нет не только жилищ, но даже и лесоматериала для их постройки. Заготовленные для колонизационного отдела немтикскими кооператорами бревна не сплавляются. Усадьбы не нарезаны, прибывшая земпартия вместо Немтика едет резать усадьбы в Ичу, куда переселенцы в этом году не направляются.

Продовольственные запасы для 150 семейств состоят только из 2-х пудов растительного масла».

Из подобных сообщений можно составить отдельный том. Но не следует полагать, что органы безопасности ограничивались лишь фиксацией и бесстрастной регистрацией негативных фактов. Нет, они решительно вмешивались в ситуацию. Чекисты не просто требовали, но в ряде случаев ведомственным транспортом завозили голодающим переселенцам продовольствие.

В мае 1932 года в Авачинскую губу вошел пароход, на борту которого находились около двух с половиной тысяч сезонных рабочих и переселенцев. Капитан судна сообщил в АКО, что среди них много больных, а из продовольствия осталась только мука, максимум на пять-шесть дней. Казалось бы, решение напрашивалось само собой: пополнить продовольственные запасы парохода, снять больных и оперативно направить судно к местам выгрузки пассажиров. Но вместо продовольствия АКО загрузило на пароход уголь и отдало распоряжение капитану идти вместе с изможденными пассажирами в Охотское море на бункеровку парового траулера, который ведет промысел в интересах акционерного общества.

Узнав о таком решении дирекции АКО, Н.С. Киселев незамедлительно вмешался в ситуацию. В результате на бункеровку направили другое судно, а пароход с сезонниками и переселенцами, пополнив продовольственные запасы, продолжил движение к пунктам спланированной выгрузки пассажиров.

Приходится признать, что чаще всего переселенцы с Большой земли сталкивались на Камчатке с ужасными условиями и быта, и труда, за который платили мало и с большими задержками. Счастливыми считали тех, кто получил возможность поселиться в отдельных землянках. Значительно чаще семьям приходилось ютиться в вонючих бараках, переполненных не только рабочими и членами их семей, но и крысами, насекомыми. Нередко переселенцам приходилось жить в суровые камчатские зимы даже в брезентовых палатках.

Понятно, что, отработав оговоренный в контракте срок, переселенцы спешили убраться восвояси. Оставались навсегда только те, кто из-за ужасных бытовых условий, тяжелого труда, экстремального климата был предан камчатской земле. Высокая смертность среди колонистов и сезонных рабочих воспринималась, к сожалению, как неизбежное явление. Уносили жизни и эпидемии, о чем много говорится в документах, подготовленных камчатскими сотрудниками органов безопасности.

В телеграмме, направленной Н.С. Киселевым в Хабаровск Т.Д. Дерибасу 21 мая 1932 года, сообщается: «На 17 мая заболеваниями сыпного тифа поражены: Петропавловск-Камчатский – 9 случаев, Петропавловский район – 6 случаев, Усть-Большерецкий район – 33 случая, 3 – смертных, 3 случая брюшного... Усть-Камчатский район – сыпного тифа – 26, брюшного – 3.

На каждом пароходе имеем эпидемию сыпняка... Изолирование больных на пароходах заболеваемости не снижает в силу слабых карантинных мер, скученности, необорудованности изоляторов на пароходах, отсутствия постельных принадлежностей, белья, ванн, парных. Те же условия на берегу плюс недостаток медперсонала, медикаментов, дезсредств.

Всего заболеваемости по округу сыпным типом – 92, брюшным – 6.

Цингой: на 17 мая город Петропавловск – 385, Петропавловский район – 188, Усть-Большерецкий район – 290, Усть-Камчатский район – 68. Итого по районам – 931».

Напомню, что население Камчатки в этот период едва превышало 30 тысяч жителей. Простой подсчет показывает, что на полуострове болел цингой каждый тридцатый человек. Но вновь отметим: чекисты не ограничивались констатацией фактов. Они добивались направления на Камчатку дополнительных медикаментов, дезинфекционных средств.

В борьбе с эпидемиями и болезнями участвовали и представители ведомственной медицины, что подтверждает следующая телеграмма, направленная в Хабаровск годом позже: «В населенных пунктах Камчатской области отмечено массовое заболевание сыпным тифом и цингой.

...На острове Птичьем общее число заболевших тифом составляет 25 человек. Кроме того, в больницу ежедневно поступают от 3-х до 4-х человек. <...> Уже имеется 5 смертных случаев от сыпного тифа.

Наши мероприятия: дано распоряжение нач. МКПП Тигиль, предложено принять срочные меры через Райисполком и Райздрав.

В Усть-Камчатском районе, в Еловском леспромхозе на 1 мая насчитывается цинготнобольных 91 человек, из них тяжело больных 35 человек... Имеют место 4 случая смертности».

В последующие годы контроль камчатских чекистов за хозяйственной деятельностью предприятий полуострова не прекращался. Кроме периода, возможно, самого трагичного в истории нашего Отечества, – 1937–1938 годов.

Политические репрессии в отношении камчатских чекистов заслуживают отдельного и обстоятельного исследования. Но без краткого пояснения последующее повествование окажется непонятным. Число арестованных сотрудников органов НКВД, работавших на полуострове, и камчатских пограничников в соотношении с их общей численностью просто поражает.

Не церемонились с ними и при выборе методов ведения следствия.

Сотрудники органов безопасности на полуострове, равно как их коллеги по всей стране, оказались дезориентированы, нормальный процесс работы нарушен, акценты в деятельности были не просто смещены, они в иных случаях получили совершенно контрпродуктивный характер.

Достаточно сказать, что с ноября 1937 года по декабрь 1938 года на должности начальника Управления НКВД по Камчатской области сменилось 6 человек!

Проанализируем, как в этот период работали предприятия полуострова, и не какие-нибудь, а считавшиеся флагманами камчатской экономики, в частности входивший в АКО рыбокомбинат имени А.И. Микояна.

В середине 1930-х годов – это стабильное, достаточно динамично развивающееся предприятие. О том, что оно представляло собой к концу 1938 года, позволяет судить политдонесение начальника политотдела комбината А.В. Литвинцева своему руководству в Акционерном Камчатском обществе. Этот документ мне представляется болью души, выплеснутой на бумагу: «...Как в хозяйственном, так и в отношении морально-политического состояния коллектива комбинат находился в очень тяжелом положении...

План 1938 года был выполнен лишь на 87,6 %, значительная часть продукции не убрана, до глубокой осени были не завезены сезонные рабочие. 250 семей, закрепившиеся на комбинате по трехгодичным договорам, жили до половины зимы в летних палатках...

Если, например, 129 семей трудящихся имеют индивидуальные домики и часть трудящихся живут в капитальных домах комбината, то значительная часть трудящихся живет в легких временных постройках скученно, причем из-за нехватки транспорта, флота, горючего ежегодно зимой комбинат переживает острую нужду с топливом. На центральной базе при ежедневной потребности в 60 м³ дров наш транспорт может завезти только 8–9 м³, чего едва хватает на школу, больницу, пекарню, столовую, а население сидит без дров, без освещения, баня не топится...

Ко всему этому систематический недозавоз продовольствия, одежды, обуви... Вновь прибывшие, еще не обжившиеся рабочие часто недоедают, уже в декабре месяце появилось до 20 случаев заболевания цингой, несколько случаев массовой вшивости в общежитиях.

Вспыхнувшая внезапно эпидемия кори привела к смертности 20 детей в течение полутора месяцев (эпидемия прекращена специальными мерами)».

Убыток предприятия в 1937–1938 годах составил 1 198,3 тысяч рублей при плановой прибыли 6 713 тысяч рублей.

За счет каких же ресурсов функционировало АКО, если даже добыча рыбы приносила акционерному обществу колоссальный ущерб?

Однако вернемся к политдонесению А.В. Литвинцева. Из него следует, что, отчаявшись добиться понимания в родном акционерном обществе, он обращался за помощью в разрешении проблем, стоявших перед комбинатом, в ЦК ВКП(б), к наркому рыбной промышленности П.С. Жемчужиной.

И вот что он сообщал: «...За 1937–38 гг. в комбинате... растратчиков 30 человек на сумму 260 тыс. рублей, почти все безнаказанны, большинство их уехало. Испорчено окончательно рыбы на сумму свыше 100 тыс. рублей...

Продукция 1937 года в основном из комбината вывезена в мае 1938 года, 40 % продукции выработки июля 1938 года до ноября находилось в брезентовых ваннах на открытых местах из-за отсутствия тары, а теперь и в затаренном виде готовая продукция лежит до неопределенного времени, портясь под влиянием атмосферных осадков и солнца. Складов для хранения готовой продукции нет».

После этого невольно задаешься вопросом: а где же те самые строгости сталинского времени, пресловутый «закон о трех колосках»?

Прочитав выдержки из политдонесения А.В. Литвинцева, кое-кто из читателей сделает для себя вывод, что причина хозяйственной катастрофы предприятия кроется в необоснованных политических репрессиях, уничтоживших лучший кадровый потенциал предприятия. Поначалу и мне так показалось. Но Литвинцев не обошел вниманием и эту тему.

«В 1937–38 годах, – пишет он, – в комбинате были арестованы как враги народа и шпионы около 25 человек, причем большинство из них – честных работников – сейчас освободили и они работают в комбинате и в АКО...

Вместе с тем действительные жулики, разложившиеся и проходимцы безнаказанно орудовали. Естественно, что в комбинате процветала обстановка недоверия и излишней подозрительности...

Этой обстановке способствовала (даже после решения Пленума ЦК ВКП(б)) деятельность районного прокурора Левшина, следователя Трусова и других...»

Читателю, конечно же, интересно знать, как отреагировал политотдел АКО на крик души Литвинцева. Весьма своеобразно.

Начальник политотдела треста Акционерного Камчатского общества К.Н. Кулаженко раскритиковал в пух и прах политдонесение подчиненного.

На комбинат имени А.И. Микояна был направлен многостраничный документ, предпоследний абзац которого отражает всю его суть: «Все вышеуказанные недостатки в работе политоргана за отчетный период 1939 года вам нужно будет в ближайшее время ликвидировать путем широкого развертывания партийно-массовой работы и мобилизации масс на выполнение и перевыполнение государственной программы на путину 1940 года Вашего рыбокомбината».

Неизвестно, как ответил бы К.Н. Кулаженко, знай он, что положение на рыбокомбинате контролируют сотрудники НКВД...

Не следует думать, что информирование органами безопасности властных структур о реальном положении дел в той или иной сфере имело эпизодический характер или ограничивалось определенными историческими рамками. Оно велось постоянно, продолжается и в наши дни.

Ветеран органов безопасности Камчатки полковник в отставке В.П. Несмеянов вспоминал: «В 1968 году сотрудники 5-го отдела областного УКГБ по поручению руководства управления, которое тогда возглавлял полковник Иван Николаевич Баранов, изучали социально-экономическое положение коренных народностей Камчатки. Результаты нас ужаснули. Мы вскрыли вопиющие факты нарушения трудового законодательства в отношении северных народов, их крайне тяжелого социально-экономического положения.

В ряде совхозов Корякского округа оленеводы за чрезвычайно тяжелый труд получали зарплату от 3 до 40 рублей в месяц. А в отдельных случаях они еще и оставались должны хозяйствам. Дети оленеводов не обучались в школах. В стойбищах не прослушивалось камчатское и всесоюзное радио, но хорошо принимались зарубежные вещательные станции.

Об этих и других подобного рода негативных фактах руководство управления информировало областной комитет КПСС, бюро которого приняло специальное решение, направленное на улучшение социально-экономического положения северных народов. И в дальнейшем мы интересовались делами оленеводов и с удовольствием отмечали, что жизнь коренного населения полуострова начала улучшаться».

Случалось, что люди, нуждавшиеся в помощи, обращались к сотрудникам органов безопасности, пограничникам как к последней инстанции. Так произошло в 2013 году в Северо-Курильске.

Дежурный по городскому отделению сообщил его начальнику капитану Дмитрию Ефремову, что звонит один из членов экипажа недавно зашедшего в порт находкинского траулера «Арктур 7777» и просит соединить его с «главным городским пограничником». Офицер, взяв трубку, сразу же почувствовал, что звонивший находится в крайней степени эмоционального возбуждения. Рыбак говорил быстро, дышал тяжело, казалось, еще немного и он разрыдается: «Хоть вы, пограничники, помогите. Мы тут, как рабы, вкалываем, без зарплаты, без нормальной жратвы, на берег не отпускают... Кому только мы ни жаловались, все бесполезно...»

Формально капитан Дмитрий Ефремов мог ограничиться выражением сочувствия и на том расстаться, поскольку в функции пограничников разрешение трудовых споров не входит. Но как отказать человеку, обратившемуся за помощью? Офицер официально сообщил прокурору города о звонке рыбака находкинского траулера. Прокурор подключил другие структуры.

Несколько человек поднялись на борт «Арктура 7777» в марте 2013 года. Все, о чем рассказал в телефонном разговоре рыбак, подтвердилось. Четырнадцать членов экипажа тут же изъявили желание расторгнуть трудовые договоры.

В разгар минтаевой путины такой исход фирму, конечно, не устраивал. Компания нашла деньги и для выплаты зарплаты, и для улучшения питания, но все-таки три человека не рискнули остаться на траулере.

Подчиненные Дмитрия Ефремова помогли им с первой же оказией отправиться в Находку. Эти люди навсегда запомнят пограничников, которые в трудную минуту пришли к ним на помощь...

Сотрудники органов государственной безопасности на Камчатке традиционно уделяют большое внимание вопросам безаварийного мореплавания, что, исходя из особенностей региона, является стратегическим направлением оперативно-служебной деятельности.

Все поставки на полуостров еще до недавнего времени осуществлялись исключительно по морю. Ощутимая роль авиации в грузовых и пассажирских перевозках начала прослеживаться с середины 1960-х годов, тогда как тремя десятилетиями ранее воздушное сообщение с материком еще имело характер разовых героико-экстремальных перелетов.

Каждое происшествие на море оказывалось трагедией не только для тех, кто терял в катастрофах родных и близких, но практически и для всего населения Камчатки. Учитывая, что многие суда, которые курсировали вдоль северо-восточных берегов страны, принадлежали все тому же Акционерному Камчатскому обществу, нетрудно представить истинный уровень организованности и безопасности плавания, отличавший его пароходы, шхуны и катера.

Судить об этом нам позволяют происшествия.

Свои первые транспортные суда – шхуны «Охотск» и «Чукотка» – Акционерное Камчатское общество потеряло соответственно через два и три года после начала эксплуатации.

Оба судна были куплены за немалую сумму в долларах в Соединенных Штатах в 1928 году. К тому времени их прежние владельцы успешно эксплуатировали шхуны по 10 лет.

В АКО жизнь судов оказалась гораздо короче. Навигацию 1928 и 1929 годов шхуны завершили без гибельных последствий. Но летом 1930 года «Охотск», стоя у причала петропавловского порта, загорелся. Средства пожаротушения, которыми располагали камчатские пожарные, оказались бессильными перед огненной стихией. Чтобы пламя не перекинулось на деревянный пирс и другие суда, стоявшие в порту, шхуну вывели из Авачинской бухты на траверс мыса Сигнального.

К счастью, в порту находился сторожевой корабль «Воровский», еще окончательно не перебазированный из Владивостока в Петропавловск, но уже регулярно проводивший лето в походах вдоль берегов Камчатки. Его командир Владимир Владимирович Потемкин вначале отрядил аварийную партию для тушения пожара на «Охотске», а когда ввиду безысходности ситуации шхуну вывели в Авачинскую губу, распорядился затопить ее артиллерийским огнем, чтобы не создавать помехи мореплаванию.

«Чукотка» погибла годом позже. Ее раздавили льды в Чукотском море во время снабженческого рейса к острову Врангеля. На помощь терпящей бедствие команде пришел пароход «Ительмен», также приобретенный АКО в США.

Случались происшествия и меньшего масштаба. Свидетелем одного из них довелось стать главному региональному чекисту – начальнику окружного отдела ОГПУ Н.С. Киселеву, при этом ему даже из кабинета выходить не пришлось.

Окружной отдел ОГПУ размещался на улице Красноармейской в здании, окна которого выходили на акваторию петропавловского порта.

В один из дней лета 1932 года сюда подошел катерок АКО, совершивший переход из Усть-Камчатска. Команда, как водится, прибытие отметила спиртом. Далее последовал целый ряд пьяных выходок, совершенных перепившейся до потери разума командой, в результате которых катер затонул.

Его последние минуты на воде и доставку на пирс моряков, не понимавших, что происходит, и наблюдал Киселев.

По его распоряжению сотрудники ОГПУ провели расследование, о результатах которого в довольно эмоциональной форме Николай Сергеевич сообщил в письме Б.И. Гольдбергу.

Катер, впрочем, подняли и после необходимого ремонта отправили в обратный путь с той же командой. Ах, если бы все морские происшествия имели столь счастливое завершение...